

РОБЕРТ К. МЕРТОН

Краткий автобиографический очерк¹

Назвать преподавателей, которые сыграли большую роль в моей судьбе, достаточно просто. Когда я учился в аспирантуре, это были: П.А. Сорокин, давший мне более широкую направленность в сторону европейской социальной мысли, с которым я, в отличие от других студентов того времени, никогда не рвал связей, хотя и не мог следовать за ним в тех исследованиях, которые он начал в конце 30-х годов; тогда еще довольно молодой Талкотт Парсонс, занятый обдумыванием идей, достигших кульминации в его известном труде “Структура социального действия”; биохимик и частично социолог Л.Дж.Хендерсон, научивший меня кое-чему в плане организованного исследования любой увлекательной идеи; историк-экономист Е.Ф.Гей, показавший мне, как реконструировать ход экономического развития по архивным материалам; и тогдашний декан факультета истории науки Джордж Сартон, в течение нескольких лет руководивший моей работой в своем знаменитом (если не сказать священном) семинаре в библиотеке Вайденера в Гарварде. Помимо этих преподавателей, с которыми занимался непосредственно, львиную долю знаний я получил у двух социологов, которые учили меня исключительно посредством своих сильнейших работ: Эмиля Дюркгейма, занявшего главное место среди моих учителей, и Георга Зиммеля, а также у гуманиста Гилберта Мюррея, сочувствующего социологии. В более поздний период жизни я многому научился у своего коллеги Пола Ф.Лазарсфельда, который, вероятно, и не подозревал, как много он дал мне за время наших многочисленных бесед и совместной работы, длившейся более трети века.

Сейчас, оглядываясь на свою деятельность на протяжении всех этих лет, я думаю, что в ней просматривается больше общей тенденции, чем я предполагал. Почти с самого начала моей собственной деятельности, после всех этих лет ученичества в качестве аспиранта, я твердо решил следовать своим интеллектуальным интересам по мере их возникновения, а не какому-то плану, заранее предопределенному на всю жизнь. Я избрал линию своего “заочного” учителя — Дюркгейма, а не “непосредственного” — Сартона. Дюркгейм периодически менял объекты своего исследования. Начав с изу-

1

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура (фрагменты) / Под ред. В.Танчера. — К.: Абрис, 1996. — С. 4–6.

чения темы общественного разделения труда, он рассмотрел методы социологического исследования, а затем без какой-либо, казалось бы, связи обратился к вопросам самоубийства, религии, морального образования и социализма, все это время продолжая развивать теоретическое направление, которое, по его мнению, можно было бы эффективно расширить, занимаясь изучением столь разнообразных аспектов жизни общества. Сартон же выбрал совершенно иной путь: в самом начале своей карьеры ученого он разработал программу исследований по истории науки, которая позднее достигла своего апогея в его монументальном пятитомном труде «Введение в историю науки» (охватывающем период вплоть до конца XIV века!).

Первый подход устраивал меня больше. Я хотел и хочу выдвигать социологические теории относительно социальной структуры и культурного изменения, которые позволяют понять, каким образом социальные институты и характер жизни в обществе становятся такими, какие они есть. Этот интерес к теоретической социологии позволил мне избежать такого вида предметной специализации, который стал (на мой взгляд, вполне заслуженно) повальным увлечением в социологии и в других зарождающихся дисциплинах. Для целей же, которые преследовал я, принципиально важным было изучение ряда социологических предметов.

Из этого ряда лишь одна узкая область — социология науки — интересовала меня неизменно. В 30-е годы я почти полностью посвятил себя изучению социальных контекстов науки и техники, особенно Англии XVII столетия, и заострил свое внимание на непредвиденных следствиях целенаправленного социального действия. По мере расширения моих теоретических интересов, в 40-е годы и позже я занимался изучением социальных истоков нонконформистского и аномального поведения, механизма деятельности бюрократии, массового воздействия и коммуникации в современном обществе, а также изучением роли интеллекта как в самой бюрократии, так и за ее пределами. В 50-е годы я сконцентрировался на выработке социологической теории основных единиц социальной структуры: распределении ролей, статусов и ролевых моделей, которые люди выбирают не только для подражания, но и как источник ценностей, принимаемых за основу при самооценке (теория референтных групп). Совместно с Джорджем Ридером и Патрицией Кендалл я предпринял попытку первой широкомасштабной оценки медицинского образования, чтобы узнать, как различные категории врачей социализируются в одних и тех же учебных заведениях, поскольку это связано с характерными особенностями данной профессии как вида трудовой деятельности. В 60-е и 70-е годы я вновь интенсивно занялся социальной структурой науки и ее взаимодействием с когнитивной структурой, тем более, что именно в эти два десятилетия социология науки достигла совершеннолетия, а прошлое ее осталось лишь прологом. В этот период меня интересовали в первую очередь связи между социологической теорией, методами исследования и независимым эмпирическим экспериментом.

Я группирую эти возникавшие интересы по десятилетиям исключительно в целях удобства. Разумеется, они не появлялись и не проходили строго в соответствии с таким условным делением календаря, а некоторые оставались и после завершения первого периода интенсивной работы над ними. В настоящий момент я работаю над трудом, посвященным непред-

виденным следствиям целенаправленного социального действия, тем самым как бы завершая работу, впервые опубликованную почти полвека назад и с тех пор периодически дорабатываемую. В запасе у меня еще один труд под названием “Самосбывающиеся пророчества”, который путем рассмотрения шести различных сфер общественной жизни доводит до логического завершения основные положения этого направления, впервые обозначенного в моей работе под тем же названием добрую треть века назад. И если позволят время, терпение и возможности, мне еще останется подытожить свою работу по анализу социальной структуры с отдельным рассмотрением вопросов распределения ролей и статусов структурного контекста (по структурализму), явных и латентных функций, дисфункций, функциональных альтернатив и социальных механизмов (по функционализму).

Поскольку смертность — удел, общий для всех, а крайне медленная работа — практика, характерная для меня, вряд ли есть смысл заглядывать дальше этих работ, которые еще находятся в процессе создания.

Перевод с английского В.КУЧЕРЕНКО